

Ком. прав. - 1990. - 24 апр. - с. 1

ТОЧКА НА КАРТЕ

«Стекланный мальчик»

из Воткинска

Я бывала в Воткинске, как правило, весной. Хорошо помню странное чувство недоумения: стояло время скупой зелени и еще холода, какой-то пронзительной сиротливости, но и предощущения новой, вот-вот нарождающейся жизни. Природа России испытывает человека. Русская весна ведь бывает не сразу, она будто выдерживает в состоянии неясности, испытания. В это время точного пограничья между

мертвой и живой природой и вошел в мир Чайковский.

Его ранняя «Снегурочка» глубоко связана именно с этим состоянием природы. Вину людей перед Ярилой можно искупить только таянием снежной девочки, и только тогда брызнет солнце, только тогда вернется жизнь.

Искусственное озеро, созданное некогда для здешнего

(Окончание на 6-й стр.).

«Стекланный мальчик»

из Воткинска

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

железного завода, тоже дичится. Совсем не как какое-нибудь швейцарское, обласканное со всех сторон людьми. Вода у горизонта смыкается с воздухом — вот космос маленького ребенка. Нам очень важно — где, на какой почве, под какой звездой он родился. Всю жизнь и ему будет грезиться «русская глушь», и он не будет уставать повторять о ней самые сокровенные мысли. Это чисто русский восторг и чисто русская тайна.

Весь Римский-Корсаков пронизан пантеизмом, вспомним невидимый Китеж (явно Тихвин) с его космизмом русской православной архитектуры. Василий Блаженный со звездами на куполах, по-детски ликующий в центре города. Глинка, Мусоргский, Пушкин — в жизни каждого родная провинция есть важнейший исток, изначальность. Мише Глинке читали в бабушкином Новоспаском книги про путешествия, а он на полу в детской рисовал неведомые страны. Петя Чайковский пишет стихотворение в восемь лет. Пишет-то на французском, а посвящает его России.

Отсюда, отсюда, из воткинского дома многие заповеди творчества. Одна из первых — музыка. Мать, Александра Андреевна, поет, отец, Илья Петрович, владеет флейтой, небольшие домашние балы, рояль и особенно оркестрина, поразившая мальчика. Она играла Моцарта, от которого сам Чайковский ведет свое композиторское происхождение: «Тем, что я посвятил свою жизнь музыке, я обязан Моцарту». Чайковский с ним входил в жизнь и как бы выходил из нее. Незадолго до смерти получил в подарок от своего издателя Юргенсона всего Моцарта, ноты были им разложены под елкой прямо на полу дома в Клину, и он ежедневно все играл и играл его сочинения. Между приходом и уходом была целая жизнь и постоянное возвращение к кумиру — Серенада Моцартиана и музыка для детей с ее классической прозрачностью.

Надо бы иначе присмотреться к «Детскому альбому». Он начинается не с «Утреннего размышления», а с «Утренней молитвы», то есть с мысли не о себе, а обо всех. Днем были путешествия — старинная французская песенка, немецкая, неаполитанская, русская; была игра в лошадки; было немного страшно, когда Баба-Яга пролетела; были и страсти — болезнь, смерть и рождение новой куклы. И вот когда дневной круг жизни как бы прой-

ден, наступала «Вечерняя молитва».

Все это написал человек, лишенный семьи, детей, дома. Ведь вы подумайте — он приходил к друзьям и шел в детскую, он знал имена всех кукол, он старался увидеть, как купали ребенка. Кто из наших композиторов, кроме Чайковского и Мусоргского, создал что-то более проникновенное о детстве?

Чайковский живет еще в ту пору, когда слово — поступок. А у композитора со словом вообще особые отношения. Распетое слово звучит дольше, поэтому идет отбор, остаются только самые необходимые, самые точные. Иногда сведено все к коротким, но сущностным формулам. В записной книжке Петра Ильича, где записаны начальные такты 6-й симфонии, есть ключевые слова. Грифель ломался, разбрызгивался по бумаге, решительно выводил: «Зачем?», «Для чего?». Вопросы, прошедшие сквозь годы. Но задавая, композитор и отвечал — для любви.

Хорошо, если бы этот вопрос — ответ вел сейчас создателей новой экспозиции Музея-усадьбы Чайковского в Воткинске. Ведь это, я так понимаю, можно только перед фотокорреспондентом «Комсомолки» стать вровень с Чайковским, посмотреть даже свысока. На деле же нам надо еще подниматься и подниматься до него. Музыкальные фестивали проходили на одном берегу озера, а к дому надо было идти на другой. Понимал, что это «новодел», как говорят музейные работники, и потому ищешь подлинного присутствия Чайковского. Конечно, деревья, знак нервующихся связей с той эпохой, механическая оркестрина... И комната, где родился Петр Ильич. Доминанта дома. Мне нравилось ее решение — стояла только ширма, за ней он как бы родился. И больше ничего, кроме света. А недавно слыхала: туристы заглядывали за нее и спрашивали: где кровать? Мне как-то никогда это не приходило в голову. Достаточно, что я нахожусь в этой точке, святыни и как бы переживаю звездный момент появления на свет того мальчика. «Стекланный мальчик», как называла его за чистоту души гувернантка Фанни Дюрбах.

В Праге его чествовали по случаю «Онегина», принимали сказочно, и он все говорил — это не мне прием, это России...

Светлана
ВИНОГРАДОВА,
заслуженный деятель искусств РСФСР.
Фото А. МАЛЬЦЕВА.

455